

Сергей Павлович Щавелев
(Курский Государственный Медицинский Университет)

«... и принял кафедру в Варшаве». Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) как сотрудник Императорского Варшавского университета

Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве ...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве ...
А.А.Блок.
Возмездие. Поэма

«... and took the chair in Warsaw.” Dmitry Yakovlevitch Samokvasov (1843-1911) as a member of the Imperial University of Warsaw

Key words: Dmitry Jakovlevitch Samokvasov, Imperial University of Warsaw, Russian empire, archeology, history.

Annotation: Samokvasov Dmitry Jakovlevitch [15 (27). 5. 1843, a farmstead near village Stakhorsiny, Novgorod-Seversky ujezd, Chernigovskaya province – 5 (18). 8. 1911, Moscow], a Russian historian-lawyer, archeologist, archivist. Landmarks of S.'s and career are connected not only with routine scientific and pedagogical activity of the university and academic spheres, but also with fruitful practical activity of a scientist aimed at discovering, preservation and popularization of material and documentary monuments of national history and culture. S. came from a languished family of nobility, went to Nowgorod-Severrskaya gymnasium, graduated from The St.Peterburg University, Department of Law, got his kandidat's (1868), master's (1873) and doctor's (1878) degrees of State Law. He became a professor of the History of Russian Law of the Warsaw (1873–1892) and later of the Moscow (1894–1911) Universities. In 1892–1911 S. occupied the position of the manager of the Moscow archive of the Ministry of Justice. S. was an active member of a few scientific societies (including Russian Geographical and Moscow Archeological Societies, the Societies of the Enthusiasts of Natu-

ral Sciences, of Anthropology and Ethnography of the Moscow University, of many provincial societies) and organization (including the Imperial Archeological committee in St.Petersburg, Historical museum and Archeological institution in Moscow, several provincial scientific archive committees). S. was a delegate of the III–XIV All-Russia Archeological Congresses, participated in Anthropological (Moscow, 1879) and World (Paris, 1878) exhibitions. S. is an author of more than 200 published works.

As a historian and lawyer S. studied ethnogenesis of Slavdom, processes of origin and development of the Old Russian state and law, formation of selfdom and landocracy in Russia. He was one of the founders of inter-disciplinary approach in historical-legal science. In his research S. utilized not only chronicles and other written sources but also data of anthropology, ethnography, linguistics which he for a considerable part assembled himself in expeditions. Thus, he revealed a relict form of a large peasant family in the province of Kursk which may be correlated with Old Russian *verv* and Yugoslav *zadruga*. He introduced into scientific use an important part of documentary data dealing with M.M.Speransky's administrative reform – arranged for codifying records of the usual law of the native tribes and nationalities of Siberia and the Far East. S.'s summarizing "Course of Russian Law" shared some shortcomings of the humanities of that time but nevertheless is remarkable for its encyclopedic knowledge of the subject and original reconstructions of disputable events of ancient and medieval history.

As an archeologist S. carried out considerable excavations of burial-mounds, settlements and other objects in various regions of Ukraine, Caucasus, Center of Chernozem Zone, suburbs of Moscow, Poland and Italy. S. initiated general calculation and map making of archeological monument all over the European part of Russi (questionnaire of 1873). S. participated in compiling the first Russian official instructions in carrying out archeological works. S. discovered many antiquities of different times and peoples. The most famous among them are prince's (*knjazhesky*), lords (*bojarsky*) and combatants' (*druzhinnie*) burial-mounds of X-th century – Black Grave (*Chernja Mogila*), *Gulbische* and other. There were found sets of armaments, attributes of religious cult, tools, household articles which belonged to the East Slavs of the Sever's Association. These objects became standards of the Old Russian culture in transition from paganism to Christianity, revealed its originality and extensive international relations. On the basis of archeological data S. undertook attempts to reconstruct "pagan system of Slavic-Russian law", to verify the role of Varangians in the political history of Kiev Russia, to outline the borders of the lands (*knjazhenie, volost*) of East Slavic princes, which were shaped on the basis of tribal system, and changed together with the development of the political system. S.'s fundamental study of the Old Russian towns revealed the stages of their development, their communal structure and various (military, administrative, economical, ideological) functions. S. introduced an innovation and was the first who started to teach archeology among students and others who attended his popular lectures and laboratory classes. Some of S.'s historical and juridical hypotheses were confirmed and verified, others with time were rejected by science. His incredibly rich collection of antiquities, which S. presented in 1892 to the Historical Museum in Moscow, and which since that time has been exhibited there, is of immutable value.

S.'s contribution to archive science and practice is also very significant. In the middle of his life road he became the head of one of the largest in Russia repositories of ancient statements – The Moscow Archive of the Ministry of Justice. There were stored documents (over 2,5 millions of deeds) of supreme and local institutions of The Great Principality of Lithuania, The Moscow State of XIV–XVII centuries and The Russian Empire of XVIII–XIX centuries. Most of them were not inventoried, many were not even sorted out. S. and his collabora-

tors effectively struggled against the chaos in national archive. They inventoried and introduced into scientific and reference use lots of historical and legal sources. S. discovered and published in two volumes "Archive materials" which made it possible to ascertain decisive stage of enslaving of peasant in Russia, — the introduction of so called "preserved years" (*zapovednyh let*) and abolition of *Yuriev* day. Though S. met incomprehension and preconceived criticism of many of his colleagues, he was the first who approached formulating of essentially important concept of archive fund as a historically established aggregate of documents, he devised and applied method of fund inventory (stock with reference index) of archive materials, which proved to be effective. Without such an inventory materials remained unknown to researchers and were not protected from plunderers and falsifiers. In the beginning of XX-th century S. put forward a project of a radical reform of the archives of the country the aim of which was their national centralization. S. applied the progressive model of examined its state from sociological point of view during the period of reforms. The state of flagrant "archive disorder" and mass destruction of "documentary resources" of Russian people" which S. brought to light, demanded essential actions to be taken. Government offices and the scientific public enthusiastically discussed the urgent reform of archives. S. verified his project (obviously the best of all proposed ones) a number of times, but the authorities rejected it and preferred a palliative solution of the problem with the help of semi-charitable provincial committees. Many of S.'s constructive suggestions were carried out only after the October Revolution. Some of them have much in common with the new, democratic law about the archives of The Russian Federation which stipulates, as S. insisted, abolition of monopolization of the storage and use of historical sources by different government departments. The name of scientist-patriot was given to the Kursk national museum of regional ethnography, perpetuated by the obelisk in Chernigov on the top of the Black Grave (*Chernja Mogila*) and by the monument in Novodevichje cemetery in Moscow.

"...i przyjął katedrę w Warszawie". Dmitrij Jakowlewicz Samokwasow (1843-1911) jako pracownik Imperatorskiego Uniwersytetu Warszawskiego

Słowa kluczowe: Dmitrij Jakowlewicz Samokwasow, Imperatorski Uniwersytet warszawski, Imperium Rosyjskie, archeologia, historia.

Streszczenie: Artykuł taktuje o Dmitriju Jakowlewiczu Samokwasowie (1843–1911) jednym z ważniejszych rosyjskich archeologów-slawistów. Był on jednym z pierwszych w Imperium Rosyjskim, który nie w celach romantycznych czy w poszukiwaniu artefaktów ale dla poszerzenia bazy źródłowej prowadził wykopaliska archeologiczne. Był współautorem pierwszej instrukcji prowadzenia wykopalisk. Był też autorem wielu prac z historii ruskiego prawa. Autor przedstawia warszawski okres w życiu Samokwasowa, który po ukończeniu uniwersytetu petersburskiego, latem 1873 r. obejmuje stanowisko docenta na rosyjskim uniwersytecie w stolicy Królestwa Polskiego. Samokwasow spędził 19 lat czyli połowę swego naukowego życia w Warszawie i tam ukształtował się jako naukowiec, wykładowca i administrator pełniąc stanowiska dziekana a na koniec także rektora.

Одним из крупнейших российских, да и европейских, археологов-славистов бесспорно является Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911). Он, одним из самых первых в Российской империи, стал раскапывать памятники старины не с кладоискательскими, либо романтически-просветительскими целями, но ради пополнения источников исторической науки; выступил соавтором самой первой

официальной инструкции по проведению раскопок, и самолично произвел множество полевых исследований массы эталонных памятников восточно- и западнославянских (в том числе многих польских) земель; безвозмездно передал свою богатейшую коллекцию археологических находок государству (в лице Российского Исторического Музея в Москве)¹. Известен этот учёный также своими трудами по истории русского права².

Д.Я. Самоквасов — профессор и декан юридического факультета Императорского Варшавского университета. 1880-е годы.

Архив автора

¹ См. подробнее: С.П. Щавелев, *Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова*, Курск 1998; А.Н. Голотвин, *Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей*, Воронеж 2014.

² См.: А. Александренко, *Высшее юридическое образование в Царстве Польском XIX в. и его организация*, „Журнал юридического общества” 1894, № 4, с.54; В.В. Есипов, *Высшее образование в Царстве Польском за сто лет (1815–1915)*. Варшавский университет, Петроград 1914, с.9–10; К.А. Пушкаревич, *Преобразование духа народности (эпизод из истории русификации Белоруссии)*, „Известия АН СССР” 1932, № 1, с. 15–32; А.Е. Иванов, *Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект*, „Отечественная история” 1997, № 6, с. 23.

Начало, становление и кульминация его научных, учебных и административных трудов связана с Императорским Варшавским университетом в так называемом тогда официозно — Царстве Польском. Он поступил туда после окончания Санкт-Петербургского университета по юридическому факультету и магистратуры при нем же. Летом 1873 года «по прошению» Самоквасов становится «исправляющим должность доцента» этого университета. Здесь он провел 19 лет — ровно половину своей дальнейшей биографии.

В 1869 г., незадолго до приезда Самоквасова в Варшаву, польскую Главную школу здесь преобразовали в русский университет. По сравнению с университетами, расположенными внутри империи, Варшавский был обречен считаться захудалым. Довольно либеральный по российским меркам устав высшей школы 1863 г. здесь не применялся — этот университет не мог позволить себе никакой автономии, что называется, по определению своему. Ведь власти не скрывали его сверхзадачи — русификации, замирения столь мятежной провинции, каким оставалось тогда Царство Польское или же (временами) Варшавское генерал-губернаторство. Привлечь сюда дипломированных и консервативно настроенных преподавателей, причем именно русских по национальности, равно как и студентов православного, на худой конец — греко-униатского вероисповеданий всегда оставалось проблемой. Ради решения таких задач, впрочем, этому университету отпустили целый ряд весомых льгот.

Скажем, тут шире обычного строились учебные программы. Студенты-юристы на первых курсах в обязательном порядке занимались целым рядом общеобразовательных дисциплин — русским языком, историями российской и всемирной, новой философией, а также профильными именно для Западного края славянскими законодательствами и еще некоторыми гуманитарными предметами³. Для Д.Я. Самоквасова, чьи лекции по содержанию расположатся где-то посередине между правоведением и отечественной историей, такая постановка преподавания пришлась кстати, заметно облегчала общение со слушателями и коллегами-преподавателями. В любом другом российском университете с его увлечением полевой археологией ему, пожалуй, пришлось бы туго.

Однако даже столь явному монархисту и вообще службисту, каким скоро зарекомендовал себя Дмитрий Яковлевич, работать в Варшавском учебном округе было тяжеловато. Польско-российские и прочие — национальные, социальные, политические, конфессиональные противоречия переплетались здесь в тугой узел с особенно каверзными интригами чиновников, выслуживавших на берегах Вислы льготные пенсии. В их мемуарах — россыпь колоритнейших эпизодов произвола сменявшихся как перчатки наместников Царства Польского и Варшавского генерал-губернаторства, беспардонного

³ См.: С.П. Шавелев, *Самоквасов — историк русского государства и права (К 150-летию со дня рождения)*, „Государство и право“ 1993, № 2, с. 114–120; Его же, *Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист*, „Вопросы истории“ 1993, № 3, с. 177–183; Его же, *Археологические основы университетского «Курса истории русского права» Д.Я. Самоквасова*, [w:] *Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. 19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург, Санкт-Петербург 2017*, с. 158–162.

карьеризма среди их подчиненных⁴. «Со времени усмирения восстания [1830–1831 гг. — С.Щ.] польское общество прожило тридцать лет под сурово-деспотической ферулой [наместника] Паскевича, подавлявшего малейшее проявление свободной общественной мысли; литература в Варшаве упала»⁵, — свидетельствовал очевидец. Неудача очередного восстания — 1863 г. усугубила положение. Как раз с началом пребывания Самоквасова в российской части Польши она в официальном делопроизводстве стала именоваться просто «Привислинском краем». Тем самым подчеркивалась необходимость унификации этой земли со всем остальным государством. Однако «польское брожение» (В.И. Ленин) продолжалось.

В самом Варшавском университете наблюдалась заметная отчужденность польской части студентов от администрации с ее русофильским «сдвигом», да и вообще от православных студентов. Преподавание во всех учебных заведениях края с конца 1860-х гг. велось только на русском языке. А совещания в Совете управления Царством между русскими «чинами» и старшинами-поляками происходили на самом ходовом тогда языке международного общения — французском. «К преподавательскому персоналу, — отмечал один из его представителей, профессор Г.В. Вульф, — как к проводнику обрусительной политики, установилось со стороны студенчества совершенно отрицательное отношение и профессеры, заслужившие себе симпатии молодежи, считались единицами»⁶. Числившийся поначалу патриархальным, этот университет вскоре попал на общероссийскую орбиту студенческих волнений, что вспыхивали периодически и в пореформенный, и особенно в предреволюционный периоды по стране.

Как видно, Самоквасов выбрал Варшаву потому, что получал там сразу столь редкую для начинающего ученого и педагога самостоятельность, верную перспективу служебного роста. Но за это пришлось заплатить немалыми трудностями, даже при его сугубо лояльном отношении к властям и лестных рекомендациях из Петербурга. Впрочем, опыта жизненной борьбы, навыков административной работы, репутации разностороннего специалиста ему к тому времени было уже не занимать.

Для начала свежеиспеченный доцент из Варшавы успешно защищает на юридическом факультете Киевского университета св. Владимира магистерскую диссертацию «Древние города России». Ведущим оппонентом выступил доцент же — В.Б. Антонович (1834–1908), занимавший там кафедру русской истории. Медик по первоначальному образованию, он окончил затем еще и историко-филологический факультет, после чего мог соперничать с Самоквасовым по разносторонности научных интересов: историк, археограф-архивист, археолог-полевик⁷. Едва ли не единственный поэтому специалист, способный по опыту

⁴ См.: Н.П. Авенариус, *Варшавские воспоминания*, „Исторический вестник“ 1904, № 5, с.421–445; А.А. Брусилов, *Мои воспоминания*, Москва 1983, с.44; В.А. Докудовский, *Мои воспоминания*, „Труды Рязанской губернской ученой архивной комиссии“ вып.1, Рязань 1899; *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова*, т.1: 1883–1886, Москва 1966. с.91, 489–490.

⁵ А.Н. Пыпин, *Польский вопрос в русской литературе*, „Вестник Европы“ 1880, № 2, с.726–727.

⁶ „Сын Отечества“ 1905. 24 сентября, с. 2.

⁷ См. подробнее: С.И. Михальченко, *Киевская школа в российской историографии* (В.Б.

личных исследований оценить заслуги диссертанта, Антонович работу земляка одобрил. По правилу того времени, она вышла в свет книгой — первой у автора.

В академической же среде ее ждал прохладный прием. Ф.И. Леонтович (земляк автора — родом из Чернигова), европейское светило социологии — М.М. Ковалевский, некоторые другие кабинетные историки из Петербурга, возражавшие против вывода о множестве «настоящих» городов в самом начале русской истории, ответили недоброжелательными рецензиями. Д.Я. Самоквасов отстаивал свои взгляды в тех же журналах, публикуя «ответы на критику». Выиграть этот научный спор сразу ему не удалось. Прошли годы, пока перевесила его аргументация в пользу жилого и военно-административного происхождения многих нынешних городищ — бывлых городов. История градообразования с тех пор уточнялась и продолжает активно дискутироваться сегодня, главным образом по части стадильности и типологии⁸. Но обойти самоквасовскую концепцию первгородов уже нельзя. Ей отдавали должное не только отечественные, но и западноевропейские историки и археологи. И в историографию городской жизни на Руси его монография в конце концов вошла как рубежное, фундаментальное исследование.

Отдадим должное и Совету Киевского университета, поддерживавшему совсем необычную по тем временам, историко-археологическую диссертацию. Ее автора без проволочек утвердили в степени магистра государственного права. Что не замедлит сказаться на должностном положении нового служащего по министерству народного просвещения. Его тут же назначают экстраординарным профессором Варшавского университета⁹. Соответственно возрастает и жалование — с 1200 до 2000 рублей в год¹⁰.

Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики, Москва-Брянск 1997, с. 23–28. Доцентское начало работы Антоновича в Университете св. Владимира автор этой книги миновал.

⁸ См. подробнее: В.П. Даркевич, *К проблеме происхождения древнерусских городов*, [w:] *Истоки русской культуры (археология и лингвистика)*, Москва 1997.

⁹ «Советский энциклопедический словарь» (Москва 1980, с.1175) и ряд других справочных изданий приводили неточную дату получения Самоквасовым профессуры — 1877 г. Ее нужно, следуя многим формулярным спискам о его службе, исправить на 1873 г. См., например: ЦГИАМ, ф.418, оп.62, д.525, л.17–27 об. В центральных университетах России профессура предоставлялась только лицам, защитившим диссертацию на высшее ученое звание — доктора той или иной науки. В Варшавском же, с его особым статусом, в низший профессорский разряд (экстраординарный) в виде исключения допускались некоторые магистры. Кроме Самоквасова, например, — Н.И. Кареев. Это и привлекало на службу сюда молодых, подающих надежды ученых.

¹⁰ Примем в расчет: прожиточный минимум интеллигентной семьи, скажем, университетского преподавателя, не слишком многочисленной, составлял в России второй половины XIX в. не менее 3000 рублей в год (Е.В. Соболева, *Организация науки в пореформенной России*, Ленинград 1983). Из этой суммы, с горькой иронией отмечали современники, «профессору предоставлено было питаться на 33 копейки в сутки [что соответствует, пожалуй, по нынешнему курсу 33 денонмированным рублям — С.Щ.], никогда не болеть и не ездить на извозчиках» [при отсутствии другого общественного транспорта — С.Щ.], ибо такие расходы не ущемались в указанные размеры его жалования (Б.Б. Глинский, *Университетские уставы (1755–1884)*, „Исторический вестник“ 1900, № 2, с.720–721. Ученых и преподавателей выручало нередкое совместительство нескольких должностей, а кое-кого и доходы от земельной собственности, ценных бумаг и т.п. частных источников.

Таиса Васильевна Самоквасова. 1890-е годы. Варшава.

Архив автора.

Прибавка оказалась весьма кстати — ведь накануне, еще называясь петербургским магистрантом, он 1 января 1873 г. обвенчался в Казанско-Богородицкой церкви села Воробьевки Курского уезда с «курской помещицей деревни Клиновой, дворянкой Таисой Васильевной Шумаковой, православного вероисповедания, 19 лет»¹¹. Этот брак оказался счастливым и долговечным, хотя и бездетным. Таиса Самоквасова вышла образцовой «половиной» русского профессора.

С начала их пребывания в Варшаве складывается на всю жизнь типичная для Д.Я. манера жить и работать. Осенью, зимой и весной — на первом плане университет с его лекциями, экзаменами и административными хлопотами. Столько же внимания — кабинетным трудам над рукописями статей, докладов, учебников. Наука в данном случае вполне соответствовала педагогике. Этот человек не ведал, к счастью, трагической раздвоенности многих представителей творческой интеллигенции, вынужденных добывать средства к жизни нелюбимой

¹¹ РГАДА, ф. 337, оп.1, д. 798, л.3.

службой, а своему призванию уделять только скудные воскресные дни, да ночные часы после трудового дня. Одна грань самоквасовского дарования всегда отражала, поддерживала устремления другой части его широкой души.

Вводная лекция к курсу истории русского права¹², который этот профессор станет разрабатывать и читать отныне и до последних своих дней, вполне отвечает призванию жизни наставника юношества. В преподавании лектор собирается применять результаты научных исследований, прежде всего своих собственных. Студентов ориентирует на изучение первоисточников юридического знания, освоение правильного метода их истолкования. Источниковедение истории древнего и средневекового права не мыслит без археологии, этнографии, антропологии и прочих дисциплин, дополнительных к традиционной, письменной историографии.

Как учёный и университетский профессор, Д.Я. свой курс по истории русского права сделал особо содержательным, живым и интересным, внеся в него и свою страстную любовь к русским древностям. — Вспоминал много позднее его сослуживец по Варшаве профессор Д.В. Цветаев¹³. — Многочисленную свою аудиторию он знакомил с произведениями культуры наших предков, особенно с теми, которые он сам открывал в своих раскопках и которые свидетельствовали, что русские люди, еще в пору очень стародавнюю, жили совсем не какими-либо дикарями, а стояли на значительно высокой ступени культурного развития. Он раскрывал начала сравнительно гуманного русского права, при постепенном политическом и культурном росте Русского государства, поднявшего много народов из их первобытного состояния и принявшего под свою защиту многие племена, обреченные, казалось, на погибель в среде чуждых им турецкого и немецкого миров. При этом Д.Я. убежденно устанавливал, что Россия, при своих прочных исторических основах, вполне способна к дальнейшему неизмеримому развитию и усовершенствованию. Всем этим он вызывал в своих слушателях стремление к внимательному изучению столь важного научного предмета и вел их к внимательному изучению столь важного научного предмета и вел их к сознательному уважению русского народа...¹⁴.

Столь комплиментарная оценка самоквасовских лекций в общем подтверждается независимыми информаторами.

¹² См.: Д.Я. Самоквасов, *О методе ученой разработке исторических источников. Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете, „Журнал министерства народного просвещения“* 1873, № 11.

¹³ Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1920) — историк, археограф, публицист. Выпускник и магистр богословия Петербургской духовной академии, приват-доцент Московского университета, директор московского Коммерческого училища (1907–1911). Младший брат Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) основателя Музея изящных искусств в Москве, ныне носящего имя А.С. Пушкина. Самоквасов долгое время дружески общался, переписывался с братьями Цветаевыми, особенно с Дмитрием Владимировичем, в бытность того профессором русской истории историко-филологического факультета Варшавского университета. После кончины Д.Я. Д.В. Цветаев сменил его на посту управляющего Московском архиве министерства юстиции (ныне РГАДА).

¹⁴ *Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова*, Москва 2011, с.32.

Не всем будущим юристам историческое правоведение давалось легко. Особые трудности испытывали поляки, составлявшие среди студентов большинство. Для лучшего разъяснения своего предмета, Самоквасов, кроме обязательных лекций и семинара, еженедельно выделял часы для факультативных бесед-репетиций¹⁵. Согласно официальному отзыву ректора Н.М.Благовещенского, «кроме замечательных трудов молодого ученого [по археологии и истории права — С.Щ.], обративших на него общее внимание, преподавание его оказалось весьма успешным, лучшим доказательством чего служит то, что более десяти слушателей сего нового преподавателя заявили желание заниматься предметом его кафедры»¹⁶.

Этого профессора интересовали не одни учебные вопросы, но и другие — духовные и материальные, академические и житейские нужды студенчества. Своим ученикам он всегда старался помочь советами, заступничеством, а то и денежной ссудой. Привлекал способных и пытливых к археологическим разведкам и раскопкам в окрестностях Варшавы. Руководил их конкурсными сочинениями и кандидатскими диссертациями. Принимал на свой факультет исключенных из других университетов и посланных к нему за протекцией знакомыми преподавателями из России. Варшавское начальство несколько раз использовало авторитет профессора среди студентов, направляя его с уговорами в их протестующие время от времени толпы.

Благотворительная деятельность профессора Самоквасова не ограничивалась стенами университета. Он, как вспоминали его коллеги, «принимал деятельное участие в жизни центров единения русского общества в Варшаве. Кто бывал в Русском собрании, тот не мог не видеть, как он открывал туда доступ русским студентам и как родители охотно поручали там своих дочерей попечению такого старшины-распорядителя. Одно из общественных учреждений, где нашла себе художественное пристанище и занятие небогатая русская культурная молодежь, основалось по его инициативе и существовало при его значительной материальной поддержке»¹⁷.

Один из бывших варшавских студентов — юрист В. Белинский писал своему учителю много лет спустя: «Вы преподали мне любовь к древностям и любимым моим занятием в часы досуга всегда оставалось чтение исторических трудов...» Заодно корреспондент Д.Я. вспоминает, как тот оказал ему поддержку в конфликте с другим профессором и способствовал переводу на следующий курс, «о чём я никогда не забуду»¹⁸, заверяет автор письма. В эпистолярной Д.Я. Самоквасова встречается еще несколько подобных благодарностей от студентов разных лет и сослуживцев по Варшаве¹⁹.

¹⁵ «Д.Я. Самоквасов, декан, будет читать для студентов 1 и 2 курсов историю русского права по 5 часов в неделю, из которых 3 часа будут посвящены систематическому обзору источников и институтов русского права, 1 час экзегезе древнейших памятников и 1 час репетициям» („Варшавские университетские известия“ 1887, № 7, с.11).

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп.121, д. 8, л. 144–144 об.

¹⁷ Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова..., с.34.

¹⁸ РГАДА, ф. 337, оп.1, д. 782, л.65.

¹⁹ См. подробнее: *Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911)*. Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелева, Курск 2007, 508 с.

Иные же его слушатели не разделяли археологического пафоса наставника. Вот отзыв некоего К.Н. Тура, деятеля судебного ведомства, в 1912 г. вспоминавшего свое варшавское студенчество.

Человек крупный, с сильным малороссийским акцентом, он читал нам по тетради скорее археологию, чем историю права. В сущности С-в [мемуарист «шифрует» фамилии большинства своих педагогов — С.Щ.] и был археологом и постоянно занимался раскапыванием на своей родине, Малороссии, курганов. Как профессор он был слаб и никакого понятия об истории русского права мы из его лекций не вынесли, потому что собственно её он и не читал. Мучил он нас результатами своих археологических разведок и много, очень много распространялся о древних русских городах ...²⁰.

Читая столь критичный пассаж, стоит иметь в виду: на Тура-студента вообще-то было мудрено угодить. В своих мемуарах он не пощадил никого из своих университетских наставников, называя их лекционные курсы и «сухими», и «жидкими», и «скучными», и «компилятивными», и «снотворными», и «прескверными» и т.д., и т.п. На фоне подобных оценок отзыв о самоквасовских лекциях выглядит уже едва ли не комплиментом — они, по крайней мере, не компиляция, а результат собственных изысканий профессора.

Относительно себя лично, — неожиданно завершает Тур свой педагогический мартиролог, — могу сказать, что Варшавский университет дал мне то, что я был вправе ожидать от него, как высшего учебного заведения, и уверен, что окончив не этот, а один из перворазрядных университетов, Петербургский или Московский, я не получил бы больше знаний и любви к науке, чем в считавшемся захудалым Варшавском²¹.

Очевидно, не зря этого студента, по его собственному признанию, «приводили в отчаяние» также лекции по логике ...

Для сравнения с мемуарными суждениями Тура приведу выдержку из автобиографии более известного его сверстника поэта В.Я. Брюсова: «Незабвенный Ключевский и меня увлекал своим изложением некоторых периодов русской истории, но настоящего знания я из его лекций не вынес (разумеется, не по его вине)»²². Поэт демонстрирует действительно интеллигентное отношение к своим университетским учителям, не лишенным, конечно, тех или иных слабостей.

При всем том, не стоит, конечно, смотреть на порядки Варшавского университета через розовые очки. Рутины там, как видно, оставалось побольше, чем в любом другом российском университете, что подтверждается рядом источников. «Профессоры, в большинстве своём, представляли собой людей или давным-давно уже почивших на магистерских или докторских лаврах, ничего не делающих [в науке — С.Щ.] и коптящих небо ... , или людей невежественных,

²⁰ К.Н. Тур, *Студенческие годы (Воспоминания о Варшавском университете)*, „Русская старина“ 1912, № 9, с.427.

²¹ Там же с. 442.

²² В.Я. Брюсов, *Стихи*, Москва 1972, с. 361.

необразованных и неинтеллигентных, совершенно неспособных проникнуться духом науки ... , служащих не науке и просвещению, а своему зоологическому патриотизму и высшим чинам ...»²³, — констатирует один из историков высшего образования в Польше.

Но помимо посредственностей и чинодралов, коих много пребывало на кафедрах всех российских университетов, не исключая столичных²⁴, в Варшаве вместе с Самоквасовым трудились замечательные ученые-гуманитарии своего времени — историки, филологи, юристы. Кроме уже упоминавшегося Д.В. Цветаева, назову хотя бы известных славистов В.В. Макушева (1837–1883), О.О. Первольфа (1841–1891), П.А. Кулаковского (1848–1913); видного специалиста по истории и археологии Польши А.И. Павинского (1840–1896); историка древнего Новгорода А.И. Никитского (1842–1886); автора оригинальных исследований южнославянского Возрождения, специалиста в области римского и византийского права Д.И. Азаревича (1848–?); одного из основоположников всеобщей истории права в России Ф.Ф. Зигеля (1845–1921); первопроходца «лингвистической палеонтологии славян» и влиятельного деятеля панславизма А.С. Будиловича (1846–1908); организатора первых учительских семинарий в стране и удачливого археолога-любителя, находчика известных в древнерусской сфрагистике plomb из летописного города Дрогичина Н.П. Авенариуса (1835–1903); основателя исторической географии древней Руси Н.П. Барсова (1839–1889); крупнейшего представителя русской школы в изучении западноевропейской истории Н.И. Кареева (1850–1931); оригинального интерпретатора памятников древнерусской литературы В.А. Яковлева.

А кафедру государственного права занимал здесь с 1872 по 1909 гг. Александр Львович Блок. Отец великого поэта — личность оригинальнейшая, как в науке, так и быту²⁵. Эпиграф к моей статье взят из незаконченной поэмы А.А. Блока «Возмездие» и относится, собственно, к Александру Львовичу, сменившему Д.Я. Самоквасова на посту декана юридического факультета. Впрочем, о каждом из них можно сказать другой строфой этой варшавской поэмы: «Он диссертацией блестящей / Стяжал отменные хвалы / И принял кафедру в Варшаве...»

В таком, в общем вполне достойном научном и педагогическом сообществе окончательно сформировалась личность Д.Я. Самоквасова — исследователя, воспитателя юношества, администратора.

Должности, чины и награды, положенные Д.Я. за выслугу лет и безупречную службу, шли без задержек, а то и давались скорее, чем было тогда принято — «за особые отличия, вне правил», как отмечалось в его формулярных списках. С 1883 г. он — уже ординарный профессор по занимаемой кафедре. Через несколько лет, в 1887 г. избран деканом юридического факультета «независимо от занимаемой

²³ Н. Дубровский, *Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям)*, Санкт-Петербург 1908, с.109.

²⁴ См. о негативных сторонах тогдашней высшей школы в России автобиографическую статью Д.И. Писарева «Наша университетская наука», а также воспоминания университетских выпускников следующих поколений. Например: В.В. Вересаев, *В студенческие годы*, [w:] *Воспоминания*, Moskwa 1982.

²⁵ См.: Е.В. Спекторский, *Александр Львович Блок, государствовед и философ*, „Варшавские университетские известия“ 1912, № 3.

должности»²⁶, т.е. профессуры. Перед тем его неоднократно выбирали секретарем факультета, а также судьей университетского суда²⁷. А при баллотировке на деканство в Совете факультета всех его преподавателей Самоквасов занял третье место по числу поданных за него голосов после двух других профессоров, но те отказались от этого поста. Надо заметить, что Д.Я. стал здесь первым русским деканом вообще — до него все факультеты Варшавского университета возглавляли поляки, которые только и могли находить общий язык с преобладающей массой студентов-соотечественников. Избрание Самоквасова в деканы предельно демократическим путем наглядно подтверждает доверие к нему и русской, и польской частям преподавательского корпуса.

Деканом Д.Я. проработал до конца своего пребывания в Варшаве. А незадолго до отъезда из Польши в 1892 г. несколько месяцев исполнял обязанности ректора университета.

В университетском мире он старался сохранять принципиально центристскую позицию. Умел находить общий язык и с правыми, охранительно настроенными представителями профессуры, и с теми, кто щеголял либерализмом. Характерный эпизод сохранился в воспоминаниях Н.И. Кареева. Тот оказался в Варшаве в 1879 г. почти против своей воли, пользовался в тамошних условиях репутацией левого оппозиционера, мало с кем из коллег общался. Однажды молодой профессор имел неосторожность поддержать бойкот, который студенты устроили донощику из своей среды (по фамилии Островидов). Назревал скандал. Против Кареева быстро составилась целый заговор.

В дни этой истории, — писал мемуарист полвека спустя, — профессора Самоквасова не было в Варшаве, а когда он приехал, его некоторые русские профессора просили устроить вечеринку, пригласить на нее меня и тут сообща дать мне такой *consilium abeundi* [совет удалиться — С.Щ.], чтобы и духу моего не было в Варшаве. Он от этого отказался, а он был единственным из русских членов совета, у которого я изредка бывал. Тем не менее, при встрече в профессорской Самоквасов устроил мне сцену, заставившую меня прекратить с ним знакомство. Только много позднее, когда и он постиг всю суть островидовской истории, он чистосердечно просил у меня прощения и рассказал, как отклонил заговор против меня²⁸.

²⁶ „Варшавские университетские известия”, 1887, № 7, с.104.

²⁷ Университетский суд, созданный по либеральному уставу 1863 г., рассматривал дела о нарушениях студентами правил высшей школы и о конфликтах между студентами и преподавателями. В его состав входили трое авторитетных профессоров, один из которых должен был быть юристом — как Д.Я. Самоквасов в Варшаве. Меры административного взыскания, вплоть до исключения, налагаемые этим судом, передавались на усмотрение Совета университета.

Сами студенты рассматривали университетский суд как одну из своих привилегий, составную часть университетской автономии. После упразднения таких судов реакционным уставом 1884 г. студенческая масса выразила острое неудовольствие. А.П. Чехов, как очевидец, писал А.С. Суворину 9 марта 1890 г.: «У нас грандиозные студенческие беспорядки. ... Студюзы, окруженные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на конях и с пиками, требуют следующее: 1) Полная автономия университетов. ... 6) Учреждение университетского и студенческого суда. ... Это скопировано мной с прокламации» (А.П. Чехов, *Переписка в 2-х тт.*, т. 1, Москва 1894, с. 219–220).

²⁸ Н.И. Кареев, *Прожитое и пережитое*, Ленинград 1990, с.219–220.

В интерпретации Самоквасова описанная сцена выглядела бы, вероятно, иначе. Но объективность точки зрения, собственный кодекс чести просматриваются, на мой взгляд, в поведении обоих героев этой истории, какие нередко случаются в подобных «террариумах единомышленников» — университетах да академических институтах.

«Не говоря о нас, русских, — подчеркивал Д.В.Цветаев, — и польские профессора признавали, что его отношения были согласны с чувством справедливости»²⁹. «Особые отличия» этого профессора и декана, причем на оккупированной, по сути, Россией, но не покорившейся захвату территории, состояли в инициативном и умелом выполнении им такого большого объема служебных поручений и общественных обязанностей, какой было не предусмотреть штатным расписанием по всем его должностям.

Сочетание древней истории и полевой археологии отличало Самоквасова от большинства его коллег-современников. Буквально единицы из профессиональных историков вплоть до начала XX в. пробовали свои силы на раскопках, да и те не рисковали сколько-нибудь систематически привлекать материалы этих последних для объяснения первых веков отечественной истории. А первые наши археологи со своей стороны на лавры историков древнего мира, как правило, не претендовали. Этот же автор решился пойти против обоих течений в источниковедении, точнее — их затянувшегося параллелизма. «Когда вы раскапываете городища и курганы своих предков языческой эпохи, — писал он, — вы собственными глазами видите фактическую обстановку их общественной и домашней жизни, а не глазами летописца — христианского монаха, писавшего столетием позже крещения русского народа, критически и односторонне смотревшего на быт язычников»³⁰. Призыв археолога «собственными глазами смотреть» на начало русской истории научное сообщество расслышало далеко не сразу.

Для многих тысяч найденных им раритетов Варшавский университет в конце концов выделил специальное помещение в своем здании. В назначенные часы владелец сам знакомил преподавателей, студентов и всех желающих с этим личным музеем. Экскурсантам объяснялось историко-культурное значение разных экспонатов, рисовались обстоятельства их обнаружения, живописались любопытные перипетии археологических экспедиций. И ... «его речь нередко превращалась в целую импровизированную лекцию, полную искреннего увлечения. Приятно было также смотреть на него, когда он каждую вещицу бережно укладывал в назначенное ей местечко, прикреплял, описывал, занумеровывал»³¹. Полевая археология окончательно стала второй и любимой специальностью Самоквасова.

Польская земля с ее богатейшим историческим прошлым благоприятствовала увлечению древностями. По берегам Вислы и ее притоков внимательному прохожему сплошь и рядом встречается ценный подъемный материал. «Кроме глиняных горшков, кусков угля — попадают на песчаной поверхности кремневые стрелки, наконечники копий, ножи, пилочки, топоры

²⁹ Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова..., с. 33.

³⁰ Д.Я. Самоквасов, *Происхождение русского народа*, Москва 1908, с. 13.

³¹ Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова..., с. 34.

в таком значительном количестве, что первоначально ученые считали эти места старинными фабриками орудий»³². Исходив кремненосные дюны, Самоквасов счел их «местами постоянных общественных поселений людей каменного века». Особенно интересны в археологическом отношении оказались окрестности варшавского предместья Праги, где профессор неоднократно производил поиски и показательные раскопки с участием студентов. Открыв здесь каменную индустрию многотысячелетней давности, Самоквасов потом с успехом перенес опыт польского палео- и неолитоведения на украинские и южнорусские губернии. Как раз в эти годы и был открыт каменный век в европейской России³³ и Д.Я. Самоквасов принял в этом участие со своими польскими находками.

Некоторые его коллеги по увлечению древностями, поляки — профессора и помещики-любители старины с увлечением и знанием дела собирали коллекции каменных орудий и прочих древностей. Польша, как-никак, это гораздо больше Европа, чем наша Россия. Все крупные города Польши располагали историческими музеями. На археологию ориентировался целый ряд польских периодических изданий — варшавских, познанских, краковских, львовских. Паны археологи отсюда часто ездили на экскурсии и раскопки во Францию и Италию, а Самоквасов ежелетне — в Россию. Так что по возвращению домой им было чем поделиться друг с другом из свежих полевых и музейных впечатлений. Граф Ян Казимир Завиша (1820–1887), Ежи Тышкевич, Болеслав Подчашинский, Иосиф Пржиборовский из Варшавы, Готфрид Оссовский и Адам Киркор из Кракова — их многолетнее сотрудничество с Д.Я. Самоквасовым на ниве археологии представляет интересную страницу российско-польских научных связей последней трети XIX в.

Далеко не всё в концепциях нашего автора относительно древней и средневековой истории прошло проверку временем. Так, не удержалась в археологической науке его гипотеза о прямой преемственности между скифами и славянами. Ни по языку, ни антрополого-генетически между этими народами исторических связей теперь не прослеживается. Любопытным откликом на самоквасовскую концепцию происхождения русского народа могут быть, по моему предположению, знаменитые блоковские «Скифы». Вспоминая об отце, поэт писал, как ему приходилось «в чужой Варшаве / с ним разговаривать о праве / юристов с ним критиковать ...» При общении Александра Александровича с Александром Львовичем, ближайшим сотрудником Дмитрия Яковлевича по юридическому факультету, вполне могла прозвучать экстравагантная теперь для историка, художественно переосмысленная поэтом идея: «Да, скифы — мы!»

Третья часть задуманного Д.Я. Самоквасовым цикла историко-юридических исследований называлась «Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси и происхождение Московского государства» (Варшава, 1886). Этой книгой он вновь продемонстрировал свои возможности как «чистого» историка, перейдя от языческой архаики к летописно-актовому средневековью. В скором

³² А. [И.] Павинский, *Доисторическое время в Царстве Польском. Археологический очерк*, Варшава 1875, с. 10.

³³ См.: А.А. Формозов, *Начало изучения каменного века в России. Первые книги*, Москва 1983.

будущем, после отъезда из Варшавы, это расширение научной специализации профессору окажется как нельзя кстати.

Основные результаты варшавского периода его научной работы сведены в 400-страничный том – систематический курс истории древнерусского права для юридических факультетов университетов (Варшава, 1888). Перелистывая сейчас это издание, убеждаешься – автор идет, что называется, по целине в сторону комплексного, междисциплинарного изучения далекого прошлого. Изошренная текстология всего корпуса письменных источников сочетается там с фактами археологии, наблюдениями этнографии, выводами лингвистики. Потестарные (родо-племенные, вождественные) и собственно политические отношения, юридические нормы и государственные институты неизменно рассматриваются им в общекультурном контексте. Внутриславянские процессы – на широком фоне международных взаимодействий.

Подобному стилю исторического познания принадлежало будущее. С усовершенствованием такой методологии в дальнейшем удалось преодолеть и некоторые заблуждения, многое уточнить и дополнить в историко-археологических построениях самого профессора Д.Я. Самоковасова, других ученых его поколения и круга. Всё накопленное на службе в Варшавском университете Дмитрий Яковлевич с успехом использовал и развивал после переезда из Варшавы в Москву, где он стал директором крупнейшего хранилища древних актов России – Московского архива министерств юстиции (ныне РГАДА) и профессором Московского университета.

BIBLIOGRAFIA

źródła

Российский Государственный Архив Древних Актов, фонд 337, опись 1, дело 782, 798.

Российский Государственный Исторический Архив, фонд 733, опись 121, дело 8.

Центральный государственный исторический архив в Москве, фонд 418, опись 62, дело 525.

Авенариус Н.П., *Варшавские воспоминания*, „Исторический вестник” 1904, № 5, с.421–445;

Брусилов А.А., *Мои воспоминания*, Москва 1983.

Брюсов В.Я., *Стихи*, Москва 1972.

„Варшавские университетские известия” 1887, № 7.

Вересаев В.В., *В студенческие годы*, [w:] *Воспоминания*, Москва 1982.

Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, т.1: 1883–1886, Москва 1966.

Докудовский В.А., *Мои воспоминания*, „Труды Рязанской губернской ученой архивной комиссии” вып.1, Рязань 1899.

Кареев Н.И., *Прожитое и пережитое*, Ленинград 1990.

„Сын Отечества” 1905, 24 сентября.

Тур К.Н., *Студенческие годы (Воспоминания о Варшавском университете)*, „Русская старина” 1912, № 9.

Чехов А.П., *Переписка в 2-х тт., т. 1*, Москва 1894.

literatura

Александренко А., *Высшее юридическое образование в Царстве Польском XIX в. и его организация*, „Журнал юридического общества” 1894, № 4.

- Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911), Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелева, Курск 2007. 508 с.
- Глинский Б.Б., *Университетские уставы (1755–1884)*, „Исторический вестник“ 1900, № 2, с.720–721.
- Голотвин А.Н., *Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей*, Воронеж 2014.
- Даркевич В.П., *К проблеме происхождения древнерусских городов*, [w:] *Истоки русской культуры (археология и лингвистика)*, Москва 1997.
- Дубровский Н., *Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям)*, Санкт-Петербург 1908.
- Есипов В.В., *Высшее образование в Царстве Польском за сто лет (1815–1915)*. Варшавский университет, Петроград 1914.
- Иванов А.Е., *Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект*, „Отечественная история“ 1997, № 6.
- Михальченко С.И., *Киевская школа в российской историографии* (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики), Москва–Брянск 1997.
- Павинский А.[И.], *Доисторическое время в Царстве Польском. Археологический очерк*, Варшава 1875.
- Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова*, Москва 2011.
- Пушкаревич К.А., *Преобразование духа народности (эпизод из истории русификации Белоруссии)*, „Известия АН СССР“ 1932, № 1, с. 15–32.
- Пыпин А.Н., *Польский вопрос в русской литературе*, „Вестник Европы“ 1880, № 2, с. 726–727.
- Самоквасов Д.Я., *О методе ученой разработке исторических источников. Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете*, „Журнал министерства народного просвещения“ 1873, № 11.
- Самоквасов Д.Я., *Происхождение русского народа*, Москва 1908.
- Соболева Е.В., *Организация науки в пореформенной России*, Ленинград 1983.
- Советский энциклопедический словарь*, Москва 1980.
- Спекторский Е.В., *Александр Львович Блок, государствовед и философ*, „Варшавские университетские известия“ 1912, № 3.
- Формозов А.А., *Начало изучения каменного века в России. Первые книги*, Москва 1983.
- Щавелев С.П., *Археологические основы университетского «Курса истории русского права» Д.Я. Самоквасова*, [w:] *Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии*. 19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург, Санкт-Петербург 2017, с. 158–162.
- Щавелев С.П., *Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист*, „Вопросы истории“ 1993, № 3, с. 177–183.
- Щавелев С.П., *Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова*, Курск 1998.
- Щавелев С.П., *Самоквасов – историк русского государства и права (К 150-летию со дня рождения)*, „Государство и право“ 1993, № 2, с. 114–120.